

Мартин Лихтмесц

МЕТАПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОНЧИТЫ ВУРСТ

Политика – это шоу-бизнес, а шоу-бизнес – это политика. Это справедливо также для такого поднадоевшего номера как песенный конкурс «Евровидения», который когда-то во времена седой старины пропагандировал что-то вроде панъевропейской идеи, аналогично тому, что пропагандировал ЕЭС в экономической области. Если хотите, то песенный конкурс, каким бы тривиальным и поверхностным он ни был, на метаполитическом уровне всегда также был праздником разнообразия и единства народов Европы.

Люди получали удовольствие от представления странами самих себя и болели как на футбольном матче. Но, как и футбол с его сменяющимися легионерами, так и песенный конкурс за прошедшее время в значительной степени был денационализирован и гомогенизирован. Если вплоть до восьмидесятых годов было еще принято петь на языке своей страны, то сегодня почти все песни исполняют по-английски, на lingua franca Американской империи. Участники конкурса характеризуются произвольностью и взаимозаменяемостью, а спроектированные

часто как бы на чертежной доске «звезды» и чисто в коммерческих целях написанные песенки, как правило, очень быстро забываются.

К этому добавляется, что искусство «шлягера», ухоженного сентиментально-слащавого кича, или как когда-то облагораживающе говорили: «шансона», уже давно находится в упадке, в лучшем случае это больше похоже на ностальгическую шутку. Если раньше песенный конкурс в его лучшие моменты был на высоком уровне (я думаю, например, об Удо Юргенсе, АББА, France Gall, Джонни Логане, Waterloo или восхитительной Николь, тогда в Золотые восьмидесятые, когда мир еще был в порядке, по меньшей мере, для меня), то сегодня он во всяком случае чистый «мусор», и как на таковом, предложенное на нем полное дерьмо (там уже и снова выкапываемый время от времени язык страны также ничем больше не помогает), пожалуй, так же и воспринимается большинством оставшихся зрителей, в полном соответствии с лозунгом «настолько плохо, что уже снова хорошо».

Мой последний песенный конкурс я смотрел в 1988, в возрасте 12 лет. Тогда австрийский поп-певец Вильфрид участвовал в гонке от Австрии с ужасным, «фанерным» номером под названием «Лиза, Мона Лиза». Я непременно хотел, чтобы моя страна выиграла, и даже умудрился обмануть сам себя, поверив, будто эта песня победила: по чисто патриотическим причинам, поставив, таким образом, политику выше эстетики и хорошего вкуса (будем надеяться, что сегодня этого больше со мной не произойдет). Выступление Вильфрида стало легендарным провалом, мое униженное отечество получило «ноль», и я плакал очень горькими слезами.

То разочарование было для меня настолько сильной травмой, что с тех пор я никогда больше не смотрел этот конкурс, даже если в следующем году гений по имени Томас Форстнер с композицией Дитера Болена поднялся до пятого места (только чтобы спустя два года снова оказаться последним). Потом в 1990 году появилась австрийская Пиаф по имени Симона с адекватным духу времени суперхитом «Никаких стен больше» (десятое место), и два последующих года два раза подряд наркоман-пролетарий по имени Тони Вегас (десятое и четырнадцатое места), который позже прославился тем, что крал сумочки (это не шутка) у пожилых дам. Все, что было позже, выпало из моей тривиальной памяти.

Во всяком случае, пожалуй, нет нормального человека старше 12 лет, который хоть как-то всерьез воспринимает этот песенный конкурс: всё это, как говорится, старомодность, трэш, манерность, кич, бессмыслица, «культ», и в этом отношении было логично, что Австрия выпустила на манеж в 2003 году артиста кабаре с целенаправленно идиотским именем Scheissdrauf. Данный Альф Пойер

был также одним из немногих, кто решился злословить о кандидате этого года, живом существе, которое зовут «Кончита Вурст».

«Если кто-то сам не знает, мужчина ли он или женщина, тогда ему скорее нужно идти к психотерапевту, а не на песенный конкурс», говорил Пойер в интервью «Die ganze Woche».

«Я ничего не могу понять с этой поголубевшей романтикой вокруг пениса. Как именно кто-то представляет свою сексуальность, это его личное дело. Но то, что постоянно с большим шумом пропагандируют: ‚Ну, мы такие ущемленные ... и мы – меньшинство‘, вот эта бессмысленная болтовня уже начинает бесить меня», возмущался 47-летний певец в беседе с еженедельником.

Я не имею никакого понятия, нуждается ли и насколько Том Нойвирт, он же Кончита Вурст, родившийся в год эпохального поражения Вильфрида, в терапии; по слухам, он сам воспринимает себя как «пародиста», изображающего трансвестита, и Вурст как «художественный образ», и в шоу-бизнесе это теперь действительно отнюдь не что-то безумно новое. Как раз принимая это во внимание также уже «aa scho wuascht» [**Прим. Ред. ВС: Игра слов. «Вурст» по-немецки сосиска. Здесь выражение на южно-нем. диалекте можно перевести как «все равно» или «без разницы».**], так как песенный конкурс «Евровидения» теперь и без того самое гомосексуальное после Дня Кристофер-стрит (гей-парада) мероприятие мира. То, что манерность и трэш крайне популярны как раз среди гомосексуалистов, общеизвестно. В этом отношении «Кончита» наилучшим образом вписалась в спектакль «Евровидения».

Здесь можно было бы и остановиться, если бы номер с Вурст с самого начала не был инсценирован как маневр культурной борьбы, и победу Нойвирта в Копенгагене не праздновали бы так, как будто произошла высадка на Марс или скачок в эволюции человечества. В течение последних недель едва ли можно было спрятаться от тщательно стилизованного, бородатого гендерно-искаженного лица с длинными ресницами. Ответственные лица на Австрийском радио выбрали Вурст без обычного предварительного решения слушателей, что указывает на осознанно затеянное дело.

То, что не случайно бросается в глаза во внешнем виде образа Вурст, так это целенаправленно дисгармоничная комбинация прямо противоположных половых признаков: почти уже одержимая худобой стройная фигура, красиво высушенные феном, шелковистые блестящие волосы, большие, сильно накрашенные и широко раскрытые глаза сочетаются с темной, гипермужской бородой. Пикантно! Это необычно также по сравнению со стандартами королевы трансвеститов, и оптически это довольно резкий ход.

Он производит противоречивое обаяние, которое выглядит, пожалуй, скорее неэстетично и отталкивающе для большинства людей. В совсем простом, почти химическом смысле: половое обаяние функционирует через полярность, полярность – это условие полового притяжения; я не могу выбирать себе, кого я нахожу эротично отталкивающим или привлекательным или нет. Это простой факт, повседневный опыт, который каждый человек может наблюдать на себе (я, со своей стороны, не могу и две секунды смотреть на физиономию Вурст, чтобы мне при этом не стало просто физически плохо), и который, как ни странно, полностью игнорируется болтовней о фантоме «гомофобии».

Превосходная, калькулируемая чудовищность образа «Кончиты Вурст» выходит за рамки игры с андрогинностью, о которой мы знаем на примере сексуально раздвоенных поп-звезд как Дэвид Боуи, Бой Джордж или Анни Леннокс, которую можно посчитать чрезвычайно красивой и соблазнительной. Вкус к яркому, декадентскому и чему-то в стиле райской птицы, конечно, является предпосылкой для этого, и он есть не у каждого человека. Но также и в этой части Вурст – это скорее второразрядная или даже третьеразрядная фигура. «Гламур» остается утверждением, вымученным клише, как и напоминающий о фильме о Джеймсе Бонде заголовок песни победителя является цитатой из цитаты, копией с копии.

Песенка может быть и лучше, чем средний мусор, который представляли нам на песенных конкурсах, но, в принципе, не существенно лучше (или более гомосексуально), чем, скажем, также шедевр Томаса Форстнера в 1989 году. Здесь, во всяком случае, я не могу заметить первостепенного таланта; голос почти так же ужасен, как и все остальное творчество данного стиля вместе взятое. Даже намекающий на порнографическую шутку псевдоним «Кончита Вурст» безобразен, в нем экзотическое смешано с банальным, а также, пожалуй, и с расчетом. Grind-o-rama de luxe!

Зато у «Кончиты Вурст» буквально на лице написана воля к провокации, конфронтации и поляризации. Так те, кто следил за навязчивой рекламой последних недель, пожалуй, вовремя заподозрят, что здесь заранее было запущено что-то вроде приманки, чтобы проверить, нельзя ли спровоцировать еще несколько поддающихся использованию «гомофобских» рефлексов. Явно хотели проверить потенциал «толерантности» публики. И для этого потребовалось нечто более сильное, чем обычно, так как гомосексуалисты и трансвеститы сами по себе – это давно уже не редкость на телевидении.

Это должно было стать также чем-то вроде теста, насколько уже безобразной может быть жаба, которую можно подать публике на стол, чтобы она и ее проглотила. Что также произошло относительно беспрекословно, так как к кампа-

нии вроде этой принадлежит и постоянная угроза оказаться в роли нетолерантного «гомофобского» засранца, стоит лишь каким-либо способом дать заметить возможную тошноту. Также в Австрии еще помнят, сколько дерьма вылили, например, на Ники Лауду, заставив его стать на колени за то, что он признал, что считает «танцы гомиков» на общественно-правовом телевидении безвкусицами.

Все, действительно все средства массовой информации, от газеты Kronen-Zeitung, с ее ярлыком «популистской» и «реакционной» и выше, участвовали в этой игре, делая вид, будто видят перед собой что-то самое нормальное или, по крайней мере, самое классное на свете. Те, кто с нетерпением ожидали «гомофобских» звуков, ждали напрасно. За этим нужно было идти уже на страницы Facebook или в колонки комментариев или, как по мне, прочитать несколько читательских писем в Kronen-Zeitung. Голос Пойера был одинокой провокацией в этой атмосфере.

Тот, кто смог почувствовать метаполитическое содержание кампании вокруг Вурст, едва ли мог не заметить ее подтекст. Вернер Райхель хорошо описал это в блоге *eigentümlich frei*:

Вурст – это общественно-правовое средство рекламы для идеологии гендерного мейнстрима. В полном смысле этого слова государственный деятель искусства. Яркая искусственная фигура должна представить доказательство, что можно принимать и менять половые роли и половые идентичности, как это будет угодно. Эффект внимания, который производит бородатый трансвестит, используется для того, чтобы сообщить возможно более широкой публике, что именно это и соответствует новой общественной норме. Вурст как маяк и прототип нового человека, о котором мечтают неосоциалистические общественные инженеры.

Поэтому выступление Кончиты Вурст на песенном конкурсе инсценируется как мужественная борьба за большую толерантность и открытость. И это функционирует очень хорошо. В Копенгагене он/она вызывает сенсацию, как не устает сообщать Австрийское радио. Только не все идет так, как хотелось. Кто «борется», тому обязательно нужен также противник, враг. Но вот противника-то и не хватает Вурст и Австрийскому радио. Наконец, они ломаются и в без того уже открытые двери. Принадлежность к гомосексуализму в политкорректной Европе и без того продается неосоциалистическими лидерами общественного мнения как классный, разнообразный и желанный стиль жизни, в полной противоположности удушающей разнополой семье, инкубатору (домашнего) насилия, правых идей и других ужасных вещей.

Все содержание повестки дня Вурст стало открытым после победы ее шлягера в Копенгагене. Сам Федеральный президент Фишер, похожий на Гаука гибкий солдат партии и оппортунист, сказал:

Я поздравляю Кончиту Вурст с ее победой на песенном конкурсе «Евровидения»! Это победа не только Австрии, а, прежде всего, разнообразия и толерантности в Европе. То, что она посвятила свою победу всем тем, кто верит в будущее в мире и свободе, делает ее вдвое более ценной. Прекрасный день для Австрии! Сердечные поздравления!

Вот видите! Речь шла о «мире и свободе» и «разнообразии и толерантности в Европе», а не о премировании посредственного сентиментально-слащавого кича в соревновании халтуры («Schas», как сказал комментатор Австрийского радио Анди Кноль). Сама «Кончита» оценивает «ее» взнос в прогресс человечества не менее скромно. «Ее» (несколько таинственный) комментарий:

Эту ночь я посвятила всем тем, кто верит в будущее время мира и свободы. Вы знаете, кто вы – мы едины, и нас не остановить.

Аллилуйя!! Мир и свобода! Ну, вот здорово! Кто же может быть против этого, кроме разве что нескольких реакционеров, косных, человеконенавистнических мерзавцев??? Мы идем навстречу великолепным временам! В этом уверена пресса во всей Европе:

Кто может сопротивляться слезам, одежде дивы и бороде – и посланию Вурст, что ее победа принадлежит всем, кто желает «мира и свободы»? (Berlingskie Tidende, Копенгаген)

Пощечина для гомофобов в Европе. (Aftenposten, Осло)

Я очень рада, что мои дети живут в то время, когда Кончита, а не Гитлер представляет Австрию. (The Independent, Лондон)

Песня не была плоха, и я рад, что она показала палец Путину и ему подобным. (The Guardian, Лондон)

За этой бородой кроется послание толерантности. (ABC, Мадрид)

Но для меня лакомство дня – это рапсодии Карла Флюха в сегодняшнем номере газеты Standard. Он уже объяснял в воскресном приложении этого флагмана левого либерализма, что песенный конкурс был «проверкой толерантности», и наслаждался видениями освобожденного мира:

Томас Нойвирт как Кончита Вурст способствует разнообразию, которое для очень многих (подумайте только! – М.Л.) является нормальным состоянием. И если это когда-нибудь станет для всех нормальным состоянием, то Евровидение стало реальностью, по меньшей мере.

Каждый здесь должен смочь указать, какой он прогрессивный и ценный демократ, так как:

Как гомосексуальный мужчина с бородой и в женской одежде подвергает испытанию толерантность в восточноевропейских странах, это было важно для британских газет, таких как Гардиан, также Франкфуртер Альгемайне и Дер Шпигель сообщали об этом. При этом речь шла не столько о музыке, сколько о волнах негодования из не очень толерантных по своей тенденции стран. Канон: Чем более авторитарно управляют, тем больше негодующего отвержения. Кто бы мог подумать?

Тут неожиданно кот снова выпрыгнул из мешка: автор незаметно поступает так, как будто «толерантность» и признание чего-то «нормальным состоянием» это одно и то же. На самом деле, однако, дело обстоит противоположным образом. Кое-что, что рассматривается как «нормальное состояние», больше нельзя терпеть. У жрецов и комиссаров культа «толерантности» речь уже идет не о том, чтобы что-то просто терпели, нет, это «что-то» должно также полностью войти внутрь и ассимилироваться, сами чувства и восприятия должны сменить полярность. Но в случае отклоняющихся сексуальных форм из-за самого характера полярности сексуальности это никогда не сможет произойти полностью.

«Кончита Вурст» играет в этой культурно-политической повестке дня роль фрика для акклиматизации, который после первого шока должен приучить публику к еще более крайним формам инсценировки половой идентичности. Вопрос, который я здесь всегда задаю: Почему? Зачем? Что такие люди как Флюх ожидают для себя от исполнения такой утопии? Даже если это и сработает, то почему это должно быть хорошо? Я этого не понимаю.

К чему всеобщее превращение фриков в граждан, а граждан – в фриков? Потекут ли тогда молоко и мед, на небе воссияет радуга, станут ли люди тогда счастливее, и мир воцарится во всем мире? Можно ли это оправдать реалистически, общественно-политически, эстетически? Какой взрослый человек серьезно поверит в такие фантазии?

И еще один, вероятно, глупый вопрос: если бы все эти вещи были «нормальным состоянием», не пропало ли бы тогда также все удовольствие и нервная дрожь от отклонений и эксцентрики, которая явно окрыляет таких людей, как Том

Нойвирт? Ведь он, очевидно, хочет быть не «нормальным», а звездой, райской птицей – и это было позволено ему. Если все границы падут, если все уже «нарушено», что останется тогда от эротики нарушения?

Я присоединюсь здесь к словам Джима Гоуда:

Я еще помню, когда общественное презрение было в основном нацелено на гомиков. В наше время гомики и их сестры по рыданию большей частью одним своим внешним видом рьяно демонстрируют презрение к обществу. Так или иначе, я пас...

Не то, чтобы любой спросил, но я предпочитал гомосексуальных мужчин, когда они были культурными аутсайдерами, которых, казалось, невозможно было обидеть. В наше время они кричат, чтобы их воспринимали как большинство, и они оскорблены во всем. Тише, тише, леди! Как аутсайдеры, они раньше ясно видели через идиотию моральной паники массовой культуры. Теперь, когда они добрались до того, что будут приняты как «нормальные», а не «отличающиеся», они изготавливают свою собственную не имеющую чувства юмора моральную панику.

Я предпочитал гомосексуальных мужчин, когда они были культурными аутсайдерами, которых, казалось, невозможно было обидеть.

Назад к Вурст: После того, как «тест» теперь преодолен, никакие вопросы больше не остаются открытыми: «Толерантность как европейское видение» так звучит патетический заголовок статьи на странице 2 сегодняшнего номера Standard (тоже от мастера Флюха), который восторгается «бородатой дивой»

как «окруженной восхищением символической фигурой», а ее триумфом как целенаправленным оскорблением восточноевропейских «авторитарных» государств-изгоев, таких как Россия и Белоруссия (впрочем, российских участников конкурса в Копенгагене освистали, в то время как украинскую представительницу встретили «сильными аплодисментами»).

В комментарии на странице 20 Флюх дает полную волю своему воображению и приводит сказку о спасении мира через общую гомосексуализацию в сконцентрированной форме. Это функционирует только с помощью различных картонных манекенов и чучел. При этом по обыкновению в «контексте ослепления» этого вида он ставит реальность тотчас же неоднократно с ног на голову. То есть, он должен инсценировать как акт сопротивления и разрушения то, за чем на самом деле стоят все важные медийные и политические силы:

Теперь также Вурст. Как будто бы ÖЗ достаточно уже не было занято тем, что придумывало отговорки в снова разгоревшемся споре о более высокой доле отечественной поп-музыки в программе. Нет, теперь Австрия выигрывает также песенный конкурс. И, самым глупым образом, с песней, которая снова не является форматом для радиостанций.

Форматирование жизни – это, однако, проблема не только радиостанций вроде ÖЗ. Все-таки, радио можно выключить. Плохо, когда политика игнорирует формы проявления правильной жизни или хочет втискивать их в форматы, которые действуют как корсет. Сформированный и тесно связанный с псевдоморалью, которая никогда не понимала современное существование и его разнообразие, и воспринимает это поэтому как нечто, вызывающее опасения.

Подставное лицо Номер 1: «Кончита», которая происходит из маленькой субкультуры, образ жизни которой нетипичен для большинства, которой как решительно «искусственной фигуры» вовсе не «существует», становится здесь парадигмой «форм проявления правильной жизни», «современного существования» и «разнообразия» (стон!). Номер 2: «Политика» «игнорирует» эти «формы проявления» и находит их «вызывающими опасения». Это крутой тезис. Но кто же подразумевается под этим? Федеральный президент Хайнц Фишер? Австрийский Национальный совет? Парламент ЕС в Брюсселе? Федеральное министерство по делам образования и женщин? Семейные политики АНП? Венские социальные информационные органы? Загадка за загадкой!

Дальше в тексте:

Кончита Вурст позволила одному своей победой на 59-м песенном конкурсе в Копенгагене черпать небольшую надежду. Так как она была обязана своим три-

умфом не только своему представлению. Обращение брало начало от беспрецедентной солидарности с аутсайдером. Внезапно употребительные национальные соперничества песенного конкурса, кажется, были менее важны, чем успех фальшивой дамы с настоящей бородой, на которую нападала консервативная сторона. Это было уже слишком для миллионов открытых для всего мира людей в Европе. Они хотели поставить знак, и это удалось им.

Ну, вот вам, пожалуйста, такое вот изображение битвы: речь шла не столько о музыке, а о том, чтобы «поставить знак», о выступлении «открытых для всего мира людей» в Европе, которые миллионами и миллионами солидарно поднялись, а именно из возмущенного сопротивления против не терпимой более враждебной позиции «консервативной стороны», которые во всей этой суете едва ли могли быть больше чем несколькими нытиками, преимущественно с востока, если даже они сами не были важными ингредиентами общей инсценировки. И тот, кто не кричал вместе с «открытыми для всего мира», тот уже имплицитно плохой, реакционный, нетолерантный, закосневший в прошлом и злой человек.

Так как сказок без образа врага не бывает, врага нашли быстро (подставное лицо номер 3) – консерваторы, христиане, провинциалы:

Победу Вурст передавали также в домах, в которых вероятно крестились, когда увидели ее в первый раз. Но эту пеструю птицу с длинными ресницами Европа не отправила на одно из задних мест, а на руках принесла к победе. Если это стимулировало нескольких человек к размышлениям, то это еще одна победа, за которую Вурст можно прицепить награду на грудь. Ее пример указывает: гомосексуалисты – это не беззащитные жертвы, которых можно оклеветать по желанию и по причине плохого настроения. Потому что тогда такими шутками вы, возможно, вызовете гнев к себе очень многих людей.

Во мне ли одно дело, или последние предложения не звучат немножко как угроза? В наших странах не управляют «авторитарно», но горе уклоняющемуся, кто не воет с волками, не блеет с овцами и не хрюкает со свиньями – его неизбежно извергнут из стада. Чтобы разъяснить, что сегодня при самом тихом «гомофобском» звуке под вашими дверями появится «розовое Гестапо», и можно, в особенности, столкнуться с недовольством со стороны писак розовых газет и розовых телекомпаний и воспитательными розгами красных «органов по борьбе с дискриминацией», ах, для этого не нужна никакая «Кончита Вурст» – ни в Австрии, ни в другом месте в западном мире, где «гомофобия» в настоящее время является вторым наихудшим преступлением после «расизма», и эта клевета, подобная охоте за ведьмами, не меняла направление.

Зато «оклеветать по желанию и по причине плохого настроения» каждый может так называемых консерваторов, или тех, кого он считает таковыми, и совсем без последствий для себя, скорее с аплодисментами «очень многих людей», естественно, только элегантных, прогрессивных, «современных» и как-нибудь иначе важных. И потому их снова гоняют, этих темных людей и пугал, которых и без того едва ли можно было услышать во всем этом рекламном шуме, которые не решались издать ни звука, и скорее еще усердно делали хорошее выражение лица.

Консервативная Австрия, которую можно фотокопировать с каждой новорожденной коровой в коровнике, которая топит во время открытия каждое кольцевое движение в святой воде, утратила дар речи. Не нужно переоценивать это, но это симптоматично для преобладающего надменно-невежественного мышления. Одновременно они становятся вместе с тем на одну ступень с реакционными ревнителями в таких толерантных странах как Россия, Турции или Белоруссия.

Тирады вроде этой служат только театральному эффекту и имеют приблизительно такой же смысл и столько мужества, словно стегают мертвых кроликов. Они скрывают едва ли сталкивающуюся с существенным сопротивлением полноту власти общественно-политической повестки дня, которая кроется за феноменом «Кончиты Вурст». На самом деле ворота открыты настежь, и их едва ли больше защищают. Наконец, Флюх окончательно впадает в бред и погружается в параллельный мир (подставное лицо номер 4):

То, что они не могут предотвратить, они замалчивают. Искусственная фигура как Кончита Вурст и ее общественно-политические права упрямо игнорируются. Не знают, за что она стоит, не говоря уже о том, чтобы оценить. Все еще считается: Не может быть того, чего не может быть.

О «замалчивании» едва ли можно говорить, если пропаганда гремит как Ниагарский водопад. И: что такое все же теперь «общественно-политические права» «искусственной фигуры (!)», которые являются так важны для прочего мира, что они заслуживают такой пафос? Насколько ее победа на коммерческом конкурсе слащавых шлягеров доказывает какую-либо важность этих прав? Я уверен, что и Флюх не мог бы дать на эти вопросы никакого убедительного ответа. Здесь кто-то опьянен мистикой распространившегося как эпидемия псевдорелигиозного культа – иначе нельзя назвать этот феномен, который защищен от любой рациональности.

Писака вроде этого, все еще всерьез верит, будто плывет против течения, не желая допустить возможности, что он и сам уже давно часть этого течения. Это,

пожалуй, связано с психологическими механизмами левых представлений о самих себе. «Симптоматично», конечно, для их «надменно-невежественного мышления», которое они как всегда переносят на своего (настоящего или также только воображаемого) противника. Это стоит совершенно не связано рядом с противоречащими высказываниями вроде тех, где, представляя себя уверенными в победе, стараются смыть прочь также последнюю «реакционную» осыпь оппонентов:

Напротив, Вурст способствовала большему жизнеощущению, чем все европейские предвыборные плакаты вместе взятые в течение последних дней. Для этого не нужно любить ни ее, ни ее музыку. Но она находится в рамках ценностного спектра, который для многих в Европе, к счастью, уже считается естественным. Оставшиеся должны были в субботу принять это к сведению.

Итак, европейский «ценностный спектр» будущего воплощается в бородатом трансвестите в блесках, который называет себя «Кончитой Вурст» и напевает пластиковый кичевый шлягер ... вы еще в своем уме? Я говорю «Спокойной ночи, Европа». Еще что-нибудь? Я все еще надеюсь, что этот пузырь хронического глубокого сумасшествия однажды лопнет.

Источник: <http://www.sezession.de/44978/die-metapolitische-bedeutung-der-conchita-wurst.html>

[Велесова Слобода, 2014 г.](#)

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода.](#)